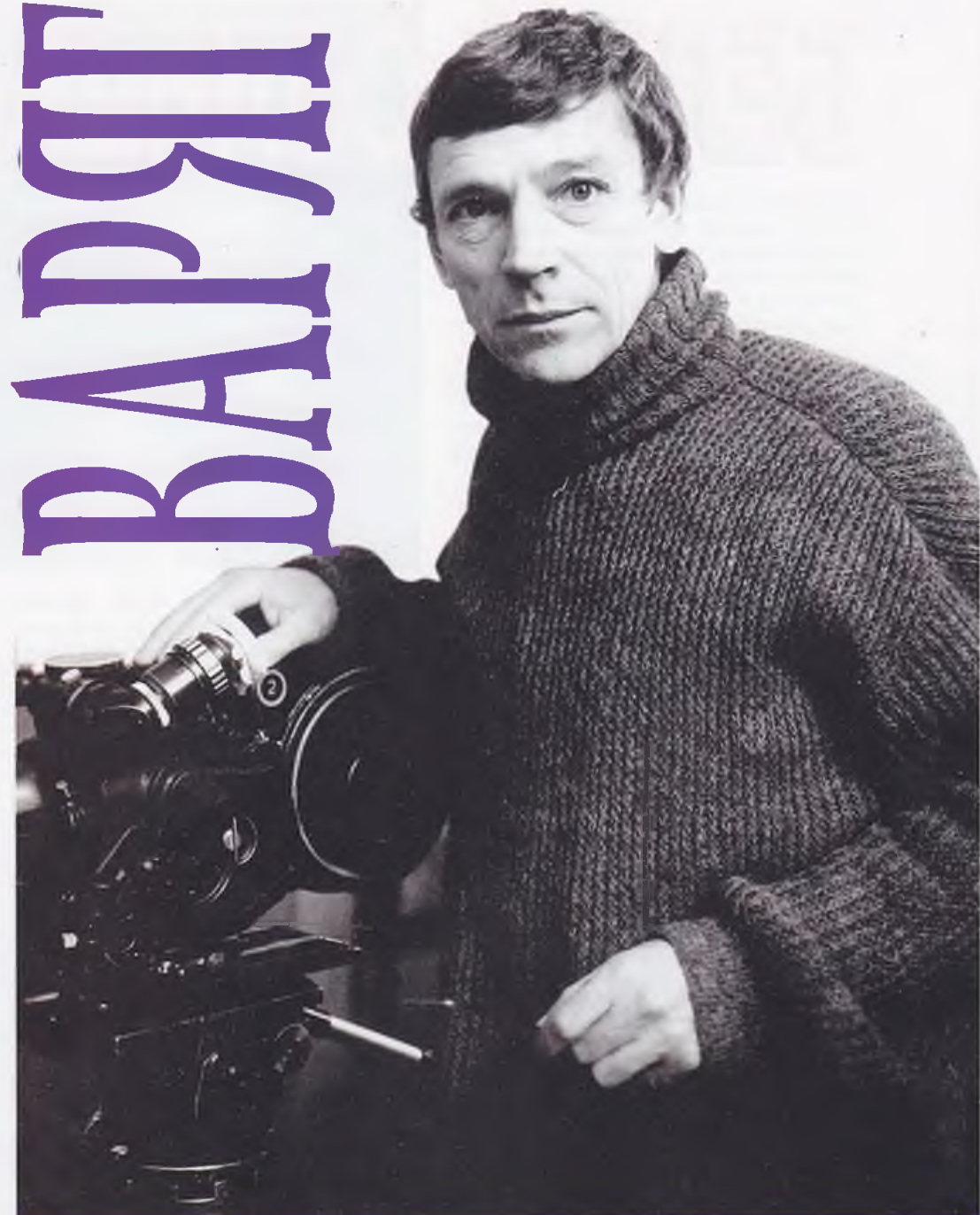

Валерий Приемыхов сам себя называет кинематографистом «широкого профиля»: сценарист («Никудашная», «Милый, дорогой, любимый, единственный», «Взломщик», «Крестносец»), режиссер («Мигранты», «Штаны»), актер (тридцать киноролей). Наибольшую известность принесла ему роль Лузги в «Холодном лете пятьдесят третьего...». Судьба бывшего фронтового разведчика Сергей Басаргина, обвиненного по ложному доносу и высланного на поселение, передана настолько правдиво и достоверно, что в ней одной отразился весь чудовищный опыт ГУЛага. Тюрьма ломает человека, изменяет его психику, заставляет приспособиться к inferнальной реальности. И только экстремальные обстоятельства могут вывести его из оцепенения. Несмотря на видимое благополучие самого Приемыхова, его творческой натуре близки чувства несвободы, зависимости и даже ущербности. Вечный комплекс «провинциала, раздавленного мегаполисом», — или лукавство победителя, покоровшего столицу? Как он сам определяет свое положение между двух этих полюсов?

ВАЛЕРИЙ

С ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

— Историю мою можно рассказать и как счастливую: я достаточно известен, у меня квартира в Москве, звания-премии... Но приезжаю на свою «малую» родину и понимаю, что не к родственникам повидаться приехал, а туда, где мне хорошо. У нас у каждого есть на земле место, где он воздухом дышать начал, где он рос, человеком становился. Я не встречал еще человека, счастливого от того, что он живет не там, где родился. По-моему, самое страшное, если твой жизненный путь начался с ненависти к родному краю, к своей стране, с желанья покинуть ее и больше никогда не возвращаться.

Я родился в Белогорске Амурском, аттестат получал в Благовещенске, занимался в народной театральной студии при Амурском драмтеатре, институт искусств заканчивал во Владивостоке, потом был театр в Уссурийске. Это только места, где я жил, а где «бывал» — без счета: отец работал железнодорожником на лесозаготовках, так что иной раз жили мы в таких поселках, по улицам которых ногами медведи ходили. Помню, был городок, в котором шиты баскетбольные стояли, а играть никто не играл — ребята правил не знали. У меня до сих пор жуткий комплекс провинциала; вот играет, скажем, классическая музыка, а я ее не понимаю — где мне ее понять-то было? В Сивках? В Шимановске, в котором было два аккордеона на весь городок? Не-е, «комплекс» свой я осознал и понять пытался: а вдруг «там» и

«Милый, дорогой, любимый, единственный»

вправду что-то есть? Хотя до сих пор не понимаю, кто душевно тоньше: тот, кто на симфоническом концерте сидит закрыв глаза, или тот, кто слушает петуха на заре, тишину на утренней рыбалке?! Иностранцы, пытающиеся судить о России только по столице, ни в малой степени ее не поймут. Реформаторы, по-столичному лихо пытаюсь сконструировать будущее, не принимают во внимание провинцию, а ведь она существу-

«Холодное лето пятьдесят третьего...»

ет. Столица сегодня — это даже не культурно-географическое понятие, это «близость к власти», распределение материальных благ. И надо быть предельно бессовестным, чтобы не видеть, как эта «несуществующая провинция» кормит «светоч» свободы и мысли — столичные города наши, испытывая на своей шкуре зигзаги столичной политики. А ведь столичная общность из вчерашних провинциалов образовалась. Половина из которых своего провинциального рождения стесняется, остальные только в застолье вспоминают Оку-Волгу, реку своего детства. Я раньше думал: «Господи, у других и речка — как речка: Волга! А у нас — Пёра». А в последнее время — как ощущение полного счастья! — возникает во мне воспоминание: март месяц, сидим с пацанами на завалинке, солнышко припекает, разговариваем о чем-то, смотрим, как речка ото льда освобождается.

Когда в институте искусства учился, знаешь как мы по городу ходили?! Стоило только сказать, что ты из театрального, сразу: «О-о!». Возвращается в город флотилия «Слава», народ «гудит» неделю! Мы, естественно, тоже в ресторан, садимся от китобоев неподалеку, то-се, знакомимся. «О, артисты!!! Давайте к нам». А в Москве я себя хоть космонавтом назови, никакой реакции. Мне говорят: «Ну если уж ты так любишь свой Дальний Восток, работал бы там». Но это даже смешно звучит — сценарист с Дальнего Востока. Могут быть «московские» сценаристы, «ленинградско-питерские», но «дальневосточные» сценаристы — такого понятия нет. И живу-то я в этом криминальном мегаполисе потому, что здесь киностудии, журналы, издательства —

все здесь. Хотя в Москве я до сих пор варяг. Вот на съемках где-нибудь, в городке провинциальном надеваю телогречку, сапоги резиновые, семечек на базаре покупаю и — вперед. Бабушки на лавочках сидят! Они, конечно, сплетницы, но с ними уютнее как-то! И для меня походы-прогулки эти по улочкам поселка равны походу в Третьяковку. А в Москве я гулять-то никогда не выхожу.

На взгляд провинциала я, конечно, тоже сумасшедший: ношусь по этой самой Москве, бегу куда-то. Что такое Москва? Куда она хочет? В Европу? В Америку? Сюда стекаются люди самых пестрых судеб: жизнь в провинции показалась им неполноценной, только в столице «стоит жить», тут НАСТОЯЩЕЕ! Но я ведь сам прошел призрачным лабиринтом московских ожиданий и знаю, чего стоят разочарования тех, кто все-таки оседает в этом мегаполисе. Все мы были мигрантами, лимитой.

Я со страхом думаю о детях современных: в какие они игрушки играют? Да если бы мне в детстве показали вот такого «милого» динозаврика, я бы со страху в угол забился. Одна надежда, что где-то, на задворках сознания, у них сохранится понятие, что добро — это ДОБРО, а зло — безо всяких «оттенков»! — зло.

В последнее время все так изменилось. Раньше и представить невозможно было, чтобы здоровенный парень работал буфетчиком, а нынче он крутой, у него четыре «тойоты». Да шмоточник он, вот и все!

А это распространившееся поветрие кричать о своей «родовитости». Оказывается, половина москвичей в прошлом в своих усадьбах чай распивала, другая же — в дворянских чашках с советской властью организованно боролась. Так кого же тогда на конюшнях секли!

«Время печали еще не пришло»

же, начал что-то «питерское» изображать — зачем? Я же в сценариях, в рассказах своих никогда не придумываю ничего необычного для завлекательности, все эти истории основаны на реальности. Научился я этому у моего друга Сени, которого однажды чуть не убили. «Иду, — говорит, — чую: замочат сейчас! Вижу — топориче валяется на дороге: хватя его, разворачиваюсь, а те — деру!». Если б я придумывать стал, столько бы всего наворотил: и заточку в голенище, и каратэ! А вот такие «топорича» всегда и оказываются самыми правдивыми деталями.

В кино я предпочитаю работать с провинциалами. Мы хорошо понимаем друг друга, одними и теми же доводами оперируем, у нас одинаковые провинциальные «прихваты»: сидишь обсуждаешь роль, фантазируешь и чувствуешь, что на одном «поле» работаешь! У меня после «Мигрантов» был стресс: я предполагал, что картина шоковой будет, но при тогдашней «чернухе» на наших экранах никто и внимания не обратил. Вот на фестивале в Сан-Ремо мы получили одну из основных премий — там жюри, точно, было в шоке!

Вообще-то, необходимость утвердить себя в столице у меня была. Во время учебы во ВГИКе в общежитии кокачагом работал, к утру такой слой шлака образовывался, ломом долбить надо было и в ведрах на улице вытаскивать. И делали мы это часов в шесть-семь утра. Бывало проспишь, уже студентки-актрисы в дубленках бегут на занятия, а ты с ведрами. Но думаю: «Подождите! Придет время, в ногах у меня будете валяться!». А лет через пять иду по улице с подругой-провинциалкой, ною: и то плохо, и это. А она: «Валерка! Одумайся! Ты в Москве живешь, на всех перекрестках афиши висят с фильмом «Жена ушла» — ты же в главной роли там! Да мог ли ты, простой мальчик из Благовещенска, мечтать об этом?».

Вообще-то, я всегда хотел быть писателем, а не артистом. И в Институт искусств во Владивостоке поступил «за компанию» с другом детства, который как раз артистом мечтал стать. Я к экзаменам не готовился, выучил из газеты стишок Евтушенко про фестиваль молодежи и студентов в Хельсинки, из школьной программы басню какую-то рассказал. Артистом быть не хотел, но ведь профессия-то заразительная: доучился, потом в театр направили... И к Динаре Асановой в картину «Жена ушла» я попал как сценарист. Нам в очередной раз прикрыли «Никудашную» (я восемнадцать вариантов сценария для фильма сделал!), и она взялась за «Жену...». Хотела Высоцкого с Мариной Влади снимать, но они загорелись что-то. Уговорила Лену Соловей, а героя не было, тут я под рукой оказался.

Дебюты мои никогда критику особо не радовали. Когда я первую роль сыграл, мне все сочувствовали: «Зачем хорошему сценаристу средним актером становиться?!». А когда я первый свой фильм снял, «Штаны», говорили: «Вот, отличный актер, а зачем-то в режиссеры подался». Витя Демин, царствие ему небесное, ужасно расстроился, когда у меня первое интервью брал: не оправдал я придуманного им хода, оказался не случайно найденным на улице типажом, а профессиональным артистом. Да я и сам уже не знаю, сценарист я, актер или режиссер? А сейчас я денег на режиссеру не имею, так что зарабатываю актерством. И сценарии пишу, конечно.

Записал Геннадий СУХИН
Фото Михаила БАЛАНДЮКА

